

И. В. Саркисов

НИУ ВШЭ, Москва

К ВОПРОСУ ОБ ЭРГАТИВНОСТИ В НОВОАРАМЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Введение

На данный момент новоарамейские языки недостаточно изучены с лингвистической точки зрения: грамматические описания отдельных языков являются неполными и неточными, теоретические обобщения об отдельных явлениях, характерных для большинства языков не всегда являются бесспорными. Одним из теоретически небесспорных явлений в новоарамейских языках является эргативность. В настоящей статье будут описаны морфосинтаксические особенности явления, которое традиционно в новоарамейских языках называется эргативностью, и будет предложен анализ этого явления с типологической точки зрения. Целью работы является показать, что способы маркирования глагольных актантов, традиционно называемые в арамеистике эргативностью, на самом деле не подпадают под определение данного явления, а представляют собой совсем иные стратегии.

Материалом настоящего исследования по большей части являются полевые и корпусные данные, собранные автором статьи для христианского урмийского и ванского диалектов северо-восточно-новоарамейского диалектно-языкового кластера, а также данные, представленные в грамматиках и грамматических описаниях других новоарамейских языков.

Работа состоит из нескольких разделов. В разделе, следующем за введением, будут рассмотрены вопросы внешней и внутренней классификации новоарамейских языков, в третьей части будет обсуждаться собственно проблема новоарамейской эргативности и будут отдельно рассмотрены различные стратегии маркирования, на самом деле скрывающиеся за этим понятием, а в заключении — обобщены результаты исследования.

2. Классификация новоарамейских языков

Новоарамейскими языками принято называть арамейские языки, сложившиеся на территории Передней Азии после ее завоевания арабами (VII в. н. э.) [Лёзов 2009а: 453]. В настоящей работе будут рассматриваться по большей части современные новоарамейские языки в том виде, в котором они зафиксированы в ходе исследований, начиная со второй половины XX в.

Арамейские языки относятся к центральносемитской подгруппе западной ветви семитских языков, входящих, в свою очередь, в афразийскую языковую семью. С древнейших времен, вероятно, со времени разделения праарамейского языка, арамейские языки подразделяются на две основные ветви — западную и восточную. В настоящее время западная ветвь арамейских языков представлена диалектами,

на которых говорят жители трех деревень в горах Каламун (область Антиливан) в Сирии — Маалула, Баха и Джуббадин. Жители Маалулы в основном христиане, жители Бахи и Джуббадина — мусульмане [Лявданский 2009: 663].

К ней также принадлежали имперский арамейский (официальный язык империи Ахеменидов) [Лёзов 2009б: 497], иудейско-палестинский арамейский, самаритянский арамейский и христианско-палестинский арамейский [Немировская 2009: 532]. К восточной ветви относятся туройо и млахсо — языки христианизованных в Юго-Восточной Турции, новомандейский язык — вымирающий ныне разговорный язык мандеев, распространенный в Иране, — и северо-восточные новоарамейские языки (СВНАЯ, в западной литературе — NENA) — кластер диалектов и говоров христианских и иудейских общин Курдистана (Южная и Юго-Восточная Турция, Северный Ирак и Юго-Западный Иран) и Иранского Азербайджана (Северо-Западный Иран) [Лявданский 2009: 663]. К восточной ветви также относится ныне мертвый классический сирийский язык [Лёзов 2009с: 562]. Классификация арамейских языков кратко представлена в Таблице 1

Таблица 1. Классификация арамейских языков

Арамейские языки			
Западные	Восточные		
	классический сирийский † иудейский вавилонский † мандейский †		
иудейско-палестинский †	туройо млахсо	ново-мандейский	северо-восточные новоарамейские языки: <u>Христианские:</u> христианский урмийский, джилу, барвар, алькош, тхума, мар-бишу, ванский, ботан, тал, тель-кепе и многие другие; <u>Еврейские:</u> еврейский урмийский, кой-санджак, санандадж и многие другие.
самаритянский †			
христианско-палестинский †			
имперский †			
диалекты Маалулы, Джабуддина и Бахи			

Кластер северо-восточных арамейских языков принято разделять по этно-конфессиональному признаку их носителей на христианские и еврейские диалекты. В каждом из этих подмножеств выделяют 4 группы диалектов, названия которых чаще всего соответствуют названиям областей или деревень, в которых исторически проживали их носители (поскольку в одной области часто могли проживать как христиане, так и евреи, существуют диалекты, названия которых различаются лишь за счет этноконфессиональной характеристики, например, христианский урмийский и еврейский урмийский). Среди христианских диалектов, согласно работе [Лявданский 2009: 668], выделяются следующие группы (в работе [Лявданский 2009: 668] приводится список лишь самых крупных идиомов, являющийся далеко не полным):

- 1) урмийская: диалекты урмийский, солдузский, гавиланский, сипурганский;
- 2) северная: диалекты салмасский, кудшанисский, гаварский, джилу;

- 3) аширет: диалекты тиари, тхума, ашита, мар бишу, шамсдинский;
- 4) южная: диалекты алькош, ботанский, арадинский, мангешский, тель-кепский.

Среди еврейских диалектов, следуя работе [Лявданский 2009: 668], выделяются следующие группы:

- 1) Иракский (Северо-Западный) Курдистан: диалекты захо, нерва, дахук.
- 2) Иракский (Юго-Восточный) Курдистан: диалекты эрбильский, рувандузский, кёй-санджакский.
- 3) Иранский Азербайджан: диалекты саламасский, урмийский, башкаинский, саблагский.
- 4) Иранский Курдистан: диалекты саккизский, биджарский, сenna, керендский.

Четкого представления о том, какие из перечисленных идиомов являются самостоятельными языками, а какие — диалектами самостоятельных языков, не существует. Обычно их называют диалектами, однако в то же время отмечается, что некоторые из них, в первую очередь христианские и еврейские, а также идиомы христиан различных конфессий — несториан и последователей Халдейской Католической церкви — взаимонепонимаемы [Лявданский 2009: 668].

В настоящее время носители новоарамейских языков проживают как в странах Ближнего Востока (Сирия, Турция, Ирак, Иран) [там же], так и в других частях света: Западной Европе (Швеция, Германия, Бельгия, Нидерланды), США, Канаде, Австралии [Лявданский 2009: 664], странах постсоветского пространства (Армения, Грузия, Россия). Установить их точное число в каждой из стран не представляется возможным, однако численность европейской и американской диаспоры сопоставима с количеством носителей, проживающих на исторической родине, или даже превосходит его. Общее число говорящих на новоарамейских языках колеблется, по разным оценкам, от 600 тысяч до полутора миллионов человек. Языковая сохранность у всех

новоарамейских языков неидеальна, некоторые близки к вымиранию [Лявданский 2009: 663].

Практически все новоарамейские языки (кроме литературного урмийского, туройо и некоторых других) являются бесписьменными. Имеющие письменность христианские новоарамейские языки (литературный язык несториан на базе урмийского диалекта, нередко называемый современным ассирийским, туройо и некоторые другие) традиционно используют сирийскую графику (в последнее время также и латинскую), а еврейские — еврейское письмо [Лявданский 2009: 671]. В СССР в 30-е годы XX в. использовался специально разработанный для литературного урмийского алфавит на основе латиницы. Также известны случаи использования для записи новоарамейских языков кириллицы, арабицы, грузинского и армянского алфавитов.

Таким образом, новоарамейские языки отличаются сложной внутренней классификацией и социолингвистическим положением. В следующем разделе мы рассмотрим их не менее интересную грамматическую особенность, которую в арамеистике принято называть эргативностью.

3. Эргативность в новоарамейских языках

3.1. Общие сведения о маркировании глагольных актантов в новоарамейских языках

В целом новоарамейские языки, как и большинство афразийских, относятся к языкам номинативно-аккузативного строя. Основным способом маркирования актантов является индексирование на глаголе лица, числа и рода (в единственном числе) с помощью специальных суффиксов [Doron, Khan 2012: 226–227]. Также во многих диалектах возможно дифференцированное предложное маркирование прямого объекта (с помощью различных предлогов, изначально имеющих дативную семантику, но способных также оформлять и прямое дополнение, как это нередко бывает в языках с дифференцированным маркированием) [Coghill 2014]. В синтаксисе наблюдается тенденция к фиксированному порядку SVO [Murre-van den Berg 1999: 297]. Категория падежа у имен отсутствует. Глагольные согласовательные суффиксы делятся на два типа: А-суффиксы (по первой букве слова «actor») и L-суффиксы, этимологически содержащие в себе дативно-аккузативный пока-

затель *l-* (термины предложены Р. Хоберманом [Hoberman 1989: 97]). В таблицах 2 и 3 представлены парадигмы А- и L-суффиксов для христианского урмийского диалекта (по [Marogulov 1976: 54–55]).

Таблица 2. А-суффиксы в христианском урмийском

	ед. ч. м. р.	ед. ч. ж. р.	мн. ч.
1 л.	<i>-in-</i>	<i>-ən-</i>	<i>-ax-, — əx-</i>
2 л.	<i>-it-</i>	<i>-ət-</i>	<i>-oxun</i>
3 л.	∅	<i>-o-, -a-, -ə-</i>	<i>-e-</i>

Таблица 3. L-суффиксы в христианском урмийском

	ед. ч. м. р.	ед. ч. ж. р.	мн. ч.
1 л.	<i>-lij</i>	<i>-lə</i>	<i>-lən-, -lan</i>
2 л.	<i>-lux</i>	<i>-ləx-, -lax</i>	<i>-letun</i>
3 л.	<i>-li</i>	<i>-lə-, -la</i>	<i>-lun</i>

При стандартном номинативно-аккузативном согласовании непереходные глаголы согласуются со своим единственным актантом с помощью А-суффикса. Переходные глаголы обязательно согласуются с субъектом с помощью того же А-суффикса (субъекты 3 лица единственного числа мужского рода маркируются на глаголе нулевым показателем), а с объектом — опционально (в зависимости от правил дифференцированного маркирования, различающихся для разных диалектов) с помощью L-суффиксов. L-суффиксы всегда следуют за А-суффиксами. Таким образом, переходную глагольную словоформу можно схематично представить в следующем виде: V-S.a_suf-O.l_suf. Такая модель представляет собой номинативно-аккузативное согласование. Пример реализации этой согласовательной схемы для христианского урмийского представлен в (1)¹.

¹ Все примеры, приводимые в статье без ссылок на источники, собраны нами самостоятельно в ходе полевой работы с информантами. Примеры, заимствованные нами из других работ, снабжены ссылками на них, glossированы (кроме примеров из [Coghill 2016]) и переведены нами. — И. С.

- (1) *nafa bət-parem-la* *daha erbi-ta*.
человек FUT-зарезать.INFECT-3SG.F.OBL² этот баран-F
'Человек зарежет эту овцу'.

В восточных арамейских языках в формах претерита³ система согласования иная. Традиционно в арамеистике ее принято называть эргативной [Коган 2009: 99]. Однако в ходе анализа как самостоятельно собранного материала, так и данных грамматик и предшествующих работ по этому вопросу мы пришли к выводу, что согласовательная система в претерите в новоарамейских языках не подпадает под определение эргативности. Обоснованию данного утверждения и посвящена настоящая работа. Эргативностью в лингвистической типологии принято называть такую систему маркирования глагольных актантов, при которой пациенс в переходных конструкциях маркируется так же, как единственный актант в непереходных конструкциях, и при этом отлично от переходного агенса [Coghill 2016: 6]. В дальнейшем мы будем употреблять термины «эргативность» и «эргативный» без кавычек применительно к тем системам согласования и конструкциям, которые являются эргативными в соответствии с приведенным определением. В случаях же, когда мы вслед за авторами предшествующих работ будем использовать эти термины, говоря о нестандартном маркировании в претерите в восточных новоарамейских языках, мы будем брать их в кавычки. Эргативность в целом нетипична для современных семитских языков, хотя в некоторых из них, в первую очередь, в ряде новоарамейских, прослеживаются ее черты. Большинство ученых склонны интерпретировать так называемую новоарамейскую «эргативность» как результат иноязычного, несемитского влияния, скорее всего курдского [Коган 2009: 99; Лявданский 2009: 670]. Однако против гипотезы о воздействии иранских языков свидетельствует

² Рассматриваемые показатели традиционно глоссируются в соответствии с их синтаксической функцией: ABS и OBL.

³ Под претеритом имеется в виду глагольная форма, маркируемая трансфиксом SSiC (между вторым и третьим согласным трехсогласного глагольного корня вставляется гласный *i*). Значение этой формы может несколько варьироваться в зависимости от диалекта, но в целом оно сводится к недавно прошедшему или просто прошедшему времени.

тот факт, что похожие явления отмечаются уже в классическом сирийском языке [Coghill 2016: 2].

Маркирование форм претерита в восточных арамейских языках, традиционно называемое в арамеистике «эргативным», заключается в том, что согласовательные суффиксы меняются местами: агенс вызывает согласование на глаголе с помощью L-суффикса, а пациенс — с помощью A-суффикса. При этом их позиция в словоформе не изменяется. Схематично это выглядит так: V-O.a_suf-S.l_suf [Kalin, Urk 2012: 186].

Пример подобной модели согласования в христианском урмийском диалекте представлен в (2).

- (2) *nafa* *prim-a-li*
 человек зарезать.PRET-3SG.F.ABS-3SG.M.OBL
daha *erbi-ta*.
 этот баран-F
 ‘Человек зарезал эту овцу.’

Различие этих двух схем маркирования в диалекте иудейский санандадж наглядно иллюстрирует (3). В (3а) глагол стоит в форме настоящего времени (так называемой основе инфекта, используемой для образования ряда непретеритных форм), согласование происходит по номинативно-аккузативной модели. В (3б) глагол находится в форме прошедшего времени (претерит), используется «эргативная» модель согласования.

- (3а) *baxt-ǎke* *barux-ǎwal-i*
 женщина-DEF друг-PL-1SG.POSS
garš-ǎ-lu
 тянуть.INFECT-3SG.F.ABS-3PL.OBL
 ‘Женщина тянет моих друзей’. [Doron, Khan 2012: 227]

- (3б) *barux-ǎwal-i* *baxt-ǎke*
 друг-PL-1SG.POSS женщина-DEF
garš-ǎ-lu
 тянуть.PRET-3SG.F.ABS-3PL.OBL
 ‘Мои друзья потянули женщину’. [там же]

Это нестандартное маркирование в новоарамейских языках распространяется также и на непереходные конструкции, единственные актанты в которых также маркируются L-суффиксами.

Степень этого распространения сильно различается в зависимости от диалекта, однако идеальной эргативной схемы, при которой единственный актант непереходного глагола уподоблялся бы пациенсу переходного, на данный момент нам не удалось найти ни в одном современном новоарамейском языке. Подобная схема, возможно, имела место на определенном этапе развития арамейских языков и явилась своеобразным «мостом» между номинативно-аккузативной стратегией и современным состоянием [Coghill 2016: 102–162]. Однако прямых доказательств этой гипотезы на данный момент нет, так как приводимые в работах по арамейской «эргативности» примеры «эргативного» маркирования в древних языках также не являются настоящими эргативными конструкциями, а обычно представляют собой конструкции с пассивной формой глагола. Ср. примеры (4)–(6) из работы [Coghill 2016: 2], где показаны согласовательные модели в классическом сирийском языке: объект в переходной конструкции (4) вызывает согласование на причастии прошедшего времени с помощью того же А-суффикса, что и субъекты непереходных конструкций (5)–(6), при этом субъект в переходной конструкции, выраженный местоимением, маркируется дативным префиксом *l* (4), в то время как субъект непереходных конструкций не может оформляться никакими предлогами (5)–(6).

(4) *šqil-ā* *l-i*
 взять.PASS.PTCP-F.S DAT-1SG
 ‘Я взял ее. = Она взята мной.’

(5) *ʔaty-ā=nā*
 прийти.VRB_ADJ-F.S=я
 ‘Я пришла.’

(6) *ʔaty-ā*
 прийти.VRB_ADJ-F.S
 ‘Она пришла.’

По этой причине термин «эргативность» применительно к новоарамейским языкам представляется достаточно спорным. Подобные мысли уже высказывались ранее в некоторых предшествующих работах (например, в [Coghill 2016]). Однако ни в одной из них типологическая классификация явления, называемого в арамеистике «эргативностью» не была доведена до конца,

если она вообще предпринималась. Между тем, фактически под данным термином подразумевается несколько различных стратегий маркирования.

Остановимся подробно на каждой из указанных стратегий.

3.2. «Перевернутая» номинативно-аккузативная стратегия

В значительном количестве новоарамейских языков и диалектов маркирование актанта L-суффиксами распространилось на все без исключения непереходные глаголы в претерите. Прежде всего это касается таких северо-восточных новоарамейских диалектов, как христианский урмийский, еврейские кой-санджак и рустака [Coghill 2016: 83], христианские идиомы барвар [Khan 2008: 614–618; Kalin, Urk 2015: 663] и ванский, а также многих других языков и диалектов. В этих идиомах любые подмножества одновалентных глаголов, в том числе выделяемые по наличию контроля участника над ситуацией (то есть так называемые активные), ничем не отличается в плане маркирования от остальных непереходных глаголов. Такую схему наглядно иллюстрируют примеры из христианского урмийского диалекта, где агенс переходного глагола (7), а также актанты активного непереходного глагола ‘встать’ и инактивного — ‘уснуть’ при глаголе в форме претерита маркируются с помощью L-суффиксов (8)–(9).

(7) *naf-i* *mxi-lun* *dizmin-e*
 человек-PL ударить.PRET-3PL.OBL враг-3PL.POSS
 ‘Люди побили своего врага.’

(8) *naf-i* *qəm-lun*
 человек-PL встать.PRET-3PL.OBL
 Люди встали.

(9) *baxt-a* *tlə-la*
 женщина-SG спать.PRET-3SG.F.OBL
 Женщина уснула.

Непереходные глаголы в не-претеритных формах согласуются с единственным актантом с помощью A-суффиксов, т. е. так же, как и переходные глаголы при согласовании в не-претерите с субъектом.

В подобной схеме не наблюдается никаких черт не только эргативности, но и активного строя. Единственное, что выделяет

ее среди согласовательных парадигм других номинативно-аккузативных языков — это то, что субъектные и объектные суффиксы в претерите меняют свое значение на прямо противоположное по сравнению с не-претеритными формами. Однако номинативно-аккузативный строй от этого не нарушается. Поэтому этот тип маркирования вполне можно назвать «перевернутой» номинативно-аккузативной стратегией, или номинативно-аккузативной стратегией с меняющимся значением показателей.

Рассмотрим еще один случай системы согласования на примере ванского диалекта.

Насколько позволяют судить имеющиеся данные, в ванском диалекте в отличие от христианского урмийского отсутствует согласование объекта с глаголом вне зависимости от формы последнего. Таким образом, вся согласовательная парадигма сводится к согласованию глагола с субъектом: А-суффиксы используются во всех формах, кроме претерита, и L-суффиксы употребляются только в претерите независимо от переходности глагола (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Согласование актантов в ванском диалекте

	Все формы, кроме претерита	Претерит
A/S	А-суффиксы	L-суффиксы
Объект	∅	

Если отвлечься от того факта, что L-суффиксы исторически являлись объектными согласовательными показателями, то подобная система не несет в себе ни малейших видимых следов эргативности и является в чистом виде номинативно-аккузативной. Различие субъектных согласовательных суффиксов в зависимости от временной формы глагола само по себе не может рассматриваться не только как отклонение от номинативно-аккузативной модели, но и как «перевернутое» значение показателей.

3.3. Активная стратегия

Существующие описания активной стратегии маркирования актантов в новоарамейских языках основываются на теории о делении непереходных глаголов на так называемые «неэргативные» и «неаккузативные» [Doron, Khan 2012: 230]. Эта теория является

весьма спорной, однако поддерживается многими синтаксистами [Плунгян 2011: 120]. Согласно ей, «неэргативные» глаголы определяются как непереходные глаголы, актанты которых сближаются с агенсами переходных, поскольку способны контролировать ситуацию, а «неаккузативные» — как те непереходные глаголы, чьи актанты сближаются с дополнениями, поскольку неактивны и неспособны контролировать свои действия [Плунгян 2011: 121]. Такое разделение очень напоминает противопоставление активных и неактивных глаголов в языках активного строя. Однако если активные и неактивные глаголы разграничиваются по своим семантическим признакам, то сторонники «неаккузативной гипотезы» делят глаголы на «неэргативные» и «неаккузативные» на основании специальных тестов, отдельно определяемых для каждого языка [Плунгян 2011: 121–123].

Активная стратегия среди новоарамейских языков свойственна в том числе и еврейскому урмийскому диалекту. При ней обратное маркирование субъекта и объекта распространяется на переходные, «неэргативные» (активные), а также на «динамические», то есть связанные с изменением состояния, «неаккузативные» (неактивные) глаголы. А стандартное маркирование в форме претерита свойственно только стативным «неаккузативным» (неактивным) глаголам, то есть глаголам, выражающим постоянное состояние [Doron, Khan 2012: 230]. Рассмотрим примеры (10)–(12) из работы [Doron, Khan 2012: 230] для еврейского урмийского диалекта. В примере (10) представлена переходная конструкция в претерите, где субъект маркирован L-суффиксом, а объект — A-суффиксом. В примере (11) показан активный («неэргативный») непереходный глагол в претерите, также оформляемый L-суффиксом. В примере (12) представлена претеритная форма «неаккузативного» глагола, являющегося в еврейском урмийском стативным. Он оформляется A-суффиксом.

- (10) *barux-aw-i* *brat-i*
 друг-PL-1SG.POSS дочь-1SG.POSS
gərš-a-lu
 тянуть.PRET-3SG.F.ABS-3PL.OBL
 ‘Мои друзья потянули мою дочь’. [Doron, Khan 2012: 230]

- (11) *kalba nwəx-le*
 собака лаять.PRET-3SG.M.OBL
 ‘Собака залаяла’. [там же]
- (12) *brat-i qim-a*
 дочь-1SG.POSS расти.INFECT-3SG.F.ABS
 ‘Моя дочь росла’. [там же]

3.4. Предложное маркирование субъекта

Как уже отмечалось, в ряде новоарамейских языков возможно дифференцированное предложное маркирование объекта, основанное главным образом на определенности и одушевленности участника [Coghill 2014]. В качестве предлогов чаще всего используются *l* и *qa*, однако возможны и другие предлоги с дативной семантикой [там же: 8]. При маркировании объекта предлогом в глаголе не могут употребляться никакие согласовательные показатели с объектом. Ср. примеры (13)–(14) из христианского урмийского, где определенный объект маркируется дативным предлогом *qa*, а глагол согласуется только с агенсом. В (13) употребляется нулевой А-суффикс, в (14) представлена «перевернутая» модель, при которой глагол согласуется с агенсом с помощью L-суффикса.

- (13) *nafa bət-qat'il-Ø qa daha dizmin*
 человек FUT-убить.INFECT-3SG.M.ABS DAT этот враг
 ‘Человек убьет этого врага’.
- (14) *nafa qt'il-li qa daha dizmin*
 человек убить.PRET-3SG.M.OBL DAT этот враг
 ‘Человек убил этого врага’.

Одной из важнейших проблем, возникающих при изучении так называемой «эргативности» в новоарамейских языках, является вопрос о возможности предложного маркирования субъекта в конструкциях с обратным согласованием. Ведь если актанты меняются местами в плане согласования, и субъект согласуется с глаголом с помощью объектных L-суффиксов, а объект — с помощью субъектных А-суффиксов, то вполне можно ожидать перенесение этой модели и на предложное маркирование, то есть возможность маркирования субъекта предлогами, использующимися для маркирования объекта в непретеритных конструкциях.

Известно, что в древних арамейских и вообще в северо-западных семитских языках (в том числе в древнееврейском) при употреблении пассивного предикативного причастия, из которого, по-видимому, и развились новоарамейские «эргативные» конструкции, субъект вводился показателем *l-* [Лёзов 2009а: 469]. Также в описании туройо (новоарамейского языка восточной ветви) сказано, что прямой объект никогда не оформляется какими-либо специальными показателями (в том числе и предложениями). Однако при глаголе-сказуемом в претерите, то есть при «эргативной» стратегии маркирования, субъект оформляется показателем *l-*, который в туройо также используется для выражения косвенного объекта:

ПРЕДЛОЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА В ТУРОЙО

- (15) *l-aʔ-ʔamalikaniy-e* *kšiffe* *at-ʔuronayd'an*
 DAT-DEF-американец-PL открыли DEF-гора.1PL.POSS
 ‘Американцы открыли наши горы’. [Коган, Лёзов 2009: 764]

Среди северо-восточных новоарамейских языков предложное маркирование субъекта отмечено в барваре. Правда, здесь оно сочетается не с претеритом, при котором имеет место «эргативное» спряжение с L-суффиксами, выражающими согласование с субъектом, а с результативной формой, не содержащей L-суффиксов [Khan 2008: 804–880], ср. (16) из христианского барваре.

- (16) *šáwwa-θna hóla xíle* *l-dèwa*
 они-они семь есть.PTCP.RES DAT-волк
 ‘Семеро из них были съедены волками’. [там же: 804]

Такие конструкции скорее следует интерпретировать как пассивный залог, нежели как эргативность, так как они являются гораздо менее частотными, чем номинативно-аккузативные и вторичными по отношению к ним (ср. интерпретацию конструкций типа (16) как пассивных результативных в [Khan 2008: 751]). Предложное оформление субъекта для арамейских языков характеризуется как инновация [Коган, Лёзов 2009: 764]. Дж. Хан замечает, что присутствие этого явления в барваре представляется редкостью для северо-восточной ветви новоарамейских языков [Khan 2008: 165].

Наше собственное исследование литературного урмийского и разговорного христианского урмийского, а также и ванского диалекта выявило невозможность предложного маркирования субъекта во всех указанных идиомах.

В корпусе литературного урмийского, состоящем из текстов, написанных советскими ассирийцами с применением латинской графики в 30-е годы XX в. (преимущественно переводы русской классической литературы, а также одно оригинальное произведение, общим объемом 54150 слов), нет ни одного примера, где такое явление имело бы место. Современные информанты также считают предложное маркирование субъекта аграмматичным. Это в одинаковой мере касается обоих предлогов (и *qa*, и *l*, который иногда используется для маркирования прямого объекта в литературных текстах, как в примере (17)) и обоих типов конструкций с нестандартным маркированием (как переходных, так и непереходных с активными глаголами).

- (17) *Ənə le məxibən l Əleksej Ivanic*
ana le məxib-an l
 я NEG любить.INFECT-1SG.F.ABS ALL
Aleksej Ivanitʃ
 Алексей Иваныч
 ‘Я не люблю Алексея Иваныча’.

Данное утверждение наглядно иллюстрируют следующие примеры. Примеры (19) и (20) демонстрируют аграмматичность маркирования актантов активных непереходных глаголов предлогами *l* (19) и *qa* (20).

- ХРИСТИАНСКИЙ УРМИЙСКИЙ
- (18) *nafa qim-li*
 человек встать.PRET-3SG.M.OBL
- (19) **l nafa qim-li*
 ALL человек встать.PRET-3SG.M.OBL
- (20) **qa nafa qim-li*
 DAT человек встать.PRET-3SG.M.OBL
 ‘Человек встал’.

- (21) *nafa qtil-li qa dizmin*
 человек убить.PRET-3SG.M.OBL DAT враг
 ‘Человек убил врага’.

Примеры (22)–(27) показывают недопустимость маркирования агенса переходных глаголов обоими предлогами, как в сочетании с предложным маркированием пациенса ((22) и (23)) так и при его отсутствии (24)–(27)).

- (22) **qa nafa qt'il-li qa dizmin*
 DAT человек убить.PRET-3SG.M.OBL DAT враг
- (23) **l nafa qt'il-li qa dizmin*
 ALL человек убить.PRET-3SG.M.OBL DAT враг
- (24) **qa nafa qt'il-li dizmin*
 DAT человек убить.PRET-3SG.M.OBL враг
- (25) **qa nafa qt'il dizmin*
 DAT человек убить.PRET враг
- (26) **l nafa qt'il dizmin*
 ALL человек убить.PRET враг
- (27) **l nafa qt'il-li dizmin*
 ALL человек убить.PRET-3SG.M.OBL враг

Стоит отметить, что в языках мира, допускающих как эргативное, так и номинативно-аккузативное маркирование в зависимости от различных факторов (например, времени глагола, референтности пациенса и т. д.) [Coghill 2016: 9–10], эргативным чаще является именно падежное оформление, а глагольное согласование при этом остается номинативно-аккузативным. Такую картину мы можем наблюдать, например, в чукотском языке, являющемся одним из классических примеров языков с расщепленной эргативностью [Dunn 1999: 112–114, 202–204]. Реже встречаются языки с «более глубокой» эргативностью, где эргативны и падежное маркирование, и глагольное согласование (то есть переходный глагол согласуется с пациенсом с помощью того же суффикса, что и непереходный глагол со своим актантом), например, адыгейский [Аркадьев и др. 2009: 52–55, 60–62]. В языках же, в той или иной степени допускающих элементы активного строя (гуаранийские языки, камаюра, панаре и многие

другие), напротив, активность обычно проявляется именно в глагольном согласовании, но редко затрагивает именную морфологию и синтаксис. Падежное и предложное оформление глагольных актантов обычно отсутствует и говорить о его характере не представляется возможным. Однако в плане синтаксиса эти языки практически полностью удовлетворяют номинативно-аккузативной схеме (подробнее о парагвайском гуарани см. [Velázquez-Castillo 1991] и [Velázquez-Castillo 1995], о камаюра и панаре [Aikhenvald 2012]). Таким образом, те из новоарамейских языков, в которых распространена активная схема кодирования актантов, вполне вписываются в общую типологическую картину.

4. Заключение

Подробный анализ нестандартных стратегий маркирования, свойственных новоарамейским языкам в претеритных конструкциях, которые по сложившейся в арамеистике традиции принято называть эргативными, показывает, что на самом деле подобные конструкции не являются таковыми. В действительности за этим термином скрываются либо номинативно-аккузативная схема с обратным значением согласовательных суффиксов, при которой субъект маркируется L-суффиксом, а объект — A-суффиксом, либо активная схема, вполне попадающая под классическое определение активного строя. С этим выводом согласуются данные о том, что эргативное предложное маркирование в большинстве новоарамейских языков невозможно. Можно надеяться, что накопление и осмысление подобных фактов будет способствовать пересмотру устаревшей терминологии в арамеистике и замене ее на более отвечающую современным типологическим теориям.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ALL — аллатив; DAT — датив; DEF — определенный артикль; F — женский род; FUT — будущее время; INFECT — основа инфекта, одной из основных форм семитских глаголов наряду с претеритом, каузативом и некоторыми другими формами, различающимися не за счет префиксов или суффиксов, а за счет трансфиксов; M — мужской род; NEG — отрицание; OBL — показатель косвенного участника; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRET — основа претерита; PTCP — причастие; RES — результирующая

форма; s — актант непереходного глагола (в глоссах Э. Когил); SG — единственное число; VRB_ADJ — отглагольное прилагательное (в глоссах Э. Когил).

Литература

- Аркадьев и др. 2009 — П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. Москва: РГГУ, 2009. С. 17–121. [P. M. Arkad'ev, Yu. A. Lander, A. B. Letuchii, N. R. Sumbatova, Ia. G. Testelelets. Vvedenie. Osnovnye svedeniia ob adygeiskom iazyke [Introduction. Basic issues about Adyghes] // Ia. G. Testelelets (ed.). Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeiskogo iazyka. Moskva: RGGU, 2009. P. 17–121].
- Коган 2009 — Л. Е. Коган. Семитские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 15–113. [L. E. Kogan. Semitskie iazyki [Semitic languages] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 15–113].
- Коган, Лёзов 2009 — Л. Е. Коган, С. В. Лёзов. Туройо // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 751–806. [L. E. Kogan, S. V. Lëzov. Turoio [Turoyo] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 751–806].
- Лёзов 2009a — С. В. Лёзов. Арамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 414–496. [S. V. Lëzov. Arameiskie iazyki [Aramaic languages] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 414–496].
- Лёзов 2009b — С. В. Лёзов. Имперский арамейский // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 496–531. [S. V. Lëzov. Imperskii arameiskii [Imperial Aramaic] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki.

- Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 496–531].
- Лёзов 2009с — С. В. Лёзов. Классический сирийский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. С. 496–531. [S. V. Lezov. Klassicheskii siriiskii iazyk [Classical Syriac] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 496–531].
- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. С. 660–693. [A. K. Liavdanskii. Novoarameiskie iazyki [Neo-Aramaic languages] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 660–693].
- Немировская 2009 — А. В. Немировская. Иудейско-палестинский арамейский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. С. 531–562. [A. V. Nemirovskaja. Iudeisko-palestinskii arameiskii iazyk [Jewish-Palestinian Aramaic] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 531–562].
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: Издательство РГГУ, 2011. [V. A. Plungian. Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira [Introduction into grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of World's languages]. Moskva: Izdatel'stvo RGGU, 2011].
- Aikhenvald 2012 — A. Y. Aikhenvald. The languages of the Amazon. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Coghill 2014 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic // Linguistics 52(2), 2014. P. 335–364.
- Coghill 2016 — E. Coghill. The rise and fall of ergativity in Aramaic. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Doron, Khan 2012 — E. Doron, G. Khan. The typology of morphological ergativity in Neo-Aramaic // Lingua 122, 3, 2012. P. 225–240.

- Hoberman 1989 — R. D. Hoberman. The syntax and semantics of verb morphology in modern Aramaic. A Jewish dialect of Iraqi Kurdistan. New Haven: American Oriental society, 1989.
- Kalin, Urk 2012 — L. Kalin, C. van Urk. Aspect-based agreement in reversal in Neo-Aramaic // Proceedings of the 30th West Coast conference on formal linguistics. Somerville, MA: Cascadia proceedings projects, 2012. P. 184–194.
- Kalin, Urk 2015 — L. Kalin, C. van Urk. Aspect splits without ergativity. Agreement asymmetries in Neo-Aramaic // *Natural language & Linguistic theory* 33(2). Published online: 2015. P. 659–702.
- Khan 2008 — G. Khan. The Neo-Aramaic dialect of Barwar. Leiden — Boston: Brill, 2008.
- Kogan 2015 — L. Kogan. Geneological classification of Semitic. The lexical isoglosses. Boston — Berlin: Walter de Gruyter, 2015.
- Marogulov 1976 — Q. I. Marogulov. Grammaire Néo-syriaque pour écoles d'adultes (dialecte d'Urmia). Titre original: Grammatiqij qə mədrəsi d gurb. Traduit du néo-syriaque par Olga Kapeliuk. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1976.
- Murre-van den Berg 1999 — H. Murre-van den Berg. From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the Nineteenth century. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1999.
- Velázquez-Castillo 1991 — M. Velázquez-Castillo. The Semantics of Guarani Agreement Markers // Proceedings of the Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on The Grammar of Event Structure, 1991. P. 324–335.
- Velázquez-Castillo 1995 — M. Velázquez-Castillo. Noun incorporation in Guaraní: a functional analysis // *Linguistics* 33, 1995. P. 673–709.